

«Самый тревожный день»

Петропавловск-Камчатский

Я ЗНАЛ ВОЙНУ НЕ ПОНАСЛЫШКЕ

Расскажу о своей судьбе. Может и неслышно, не осудите: мне встали 63-й годовик идет. Многие пережить на веку... Есть что вспомнить: трудное детство, барачество, служба в армии, репрессии, война... Сегодня и я хочу вспомнить, как узнал о начале войны, о ее первом дне. Ну, и что было дальше. Впрочем, все по порядку...

Служил я перед войной в Петропавловске, что на Камчатке. А перед этим был репрессирован ВЧКЮГПУ. Был арестован, сидел под следствием восемь месяцев: с марта по октябрь 1938 года. Осужден «тройкой» военного трибунала Камчатского морского погранотряда (№ 60). Приговор: восемь лет с поражением в гражданских правах... Следствие велось исключительно строго. Проверили не только мое служебное дело, но и кем был до армии, где работал. А где был? До призыва на службу в РККА батрачил на Урале, здесь, в нашем районе, в д. Шевелевой. Потом была Магнитка, потом снова — Талица. Работал одло время в редакции районной газеты. Тогда она называлась «Коллективная стройка». Ну, да ладно...

Мне судьба благоволила, повезло: после тщательных проверок начальство погранокрута убедилось — ничего компрометирующего за мною нет. За отсутствием состава преступления освободили меня из-под стражи: сняли обвинение по статье 58, п. 1., часть 10.

Восстановили в войсках. Редкий, в общем-то, по тем временам случай. Считаю, в рубашке родился. Освободили, значит, из заключения. Вернули доверие. Назначили начальником штаба службы ПВО (противовоздушная оборона) объектов связи г. Петропавловска-Камчатского. В этой должности и служил я до 21 июня 1941 года...

Как же встретил войну, как о ней узнал? Вспоминаю тот последний мирный день, 21 июня. Был выходной. Мы с женой, как и все горожане, отдыхали в летнем парке. «Побовались морским пейзажем и прогулочными шлюпками. Ничто не предвещало беды, грозы. Жена моя, Наталья Семеновна, служила в рядовых телефонистках. Накануне была переведена в старшие телефонистки междугородней связи. Разумеется, мы следили за прессой, знали из устных источников об обстановке на западных рубежах Родины. Обстановка, ни для кого не секрет, попахивала порохом. И все-таки мы, как и все, надеялись: может быть, обойдется; может быть, удастся избежать военного столкновения с фашистской Германией. К тому же из центра потояно твердили: не поддаваться панике, не поддаваться на вражеские провокации и т. д.

...Вечером, после прогулки в парк, мы с женой вернулись к себе в квартиру. У входа меня встретил дежурный радист нашей радиостанции Г. Кулешов. Он меня первым позвал в радиопункт, предложил надеть наушники. Не успел я,

заскочив в отдел, как следует развернуть аппаратуру, как у нас, на телеграфе, один за другим стали собираться руководящие лица... ждали важного сообщения. Дожидались и узнали: началась война. Со временем ее назовут и Великой и Отечественной. Тогда — просто: началась война! Замерев у репродукторов, мы слушали знаменитую речь-обращение Молотова. Сталин обратился к советскому народу поздно. В первые часы, видимо, был ошарашен вероломством Гитлера. Как говорят, пребывал в страсти...

Но у нас, в гарнизоне, паники не было. Действовали четко. Началось немедленное формирование полевых отделов связи. Военный комиссарият быстро отобрал самых способных связистов для создания своеобразной школы кадров. Действовала она при местном клубе. Из воинского гарнизона в школу прибыл лейтенант связи тов. Красник. Мне, помимо моей основной службы, пришлось одновременно исполнять обязанности командира взвода полевой телефонной связи. Изучать с рядовым составом новые телефонные аппараты. После того как был сформирован специальный батальон и подразделение истребителей ПВО, штаб гарнизона поручил мне другую работу — возглавить подготовку группы будущих партизан, занимавшихся при городском обществе ОСОАВИАХИМ.

Кто-то, быть может, подумает, что я всю войну так и просидел в ты-

лу, на «мирной» Камчатке. Ничего подобного. Я участвовал на западном фронте. И не я один. Но нас сдерживали: на востоке страны обстановка тоже была напряженной — под «боком» са-мурайская Япония. Но пришел и мой черед. С фрицами я столкнулся в боях, во время Сталинградской битвы на Волге. Так что войну знаю не понаслышке. Но это уже отдельная страница из моей биографии.

Скажу лишь о «семейных потерях». Отец мой, Блинов Федор Максимович, погиб еще в первую мировую, в 1915 году, на русско-австрийском фронте. Средний брат, Дмитрий, после финской кампании пробыл дома лишь две недели: в 41-м погиб в первый же день войны под г. Калинин. На тридцатый день от начала войны там же убит мой шурич — Маслаков Моисей Федосеевич. Кадровым офицером был родственник Шевелев Янов Семенович, до войны служил в Ивановской дивизии НКВД. Год рождения 1923-й. Погиб в боях с врагами на Курской дуге...

...Ну, а я окончил свою воинскую службу в сентябре 1945 на одном из островов Курильской гряды. Сегодня мне, повторю, идет девятый десяток от роду. Жизнь продолжается. Как и всем сегодня, мне живется не сладко. Что поделаешь? Как-то надо доживать свой век.

В. БЛИНОВ,
пенсионер,
инвалид II группы,
г. Талица.

Воспоминания
Блинова
Василия
Фёдоровича
опубликованы
в газете
«Сельская
новь» 20 июня
1992 года

Рязань – Аполлонов Юрий Николаевич

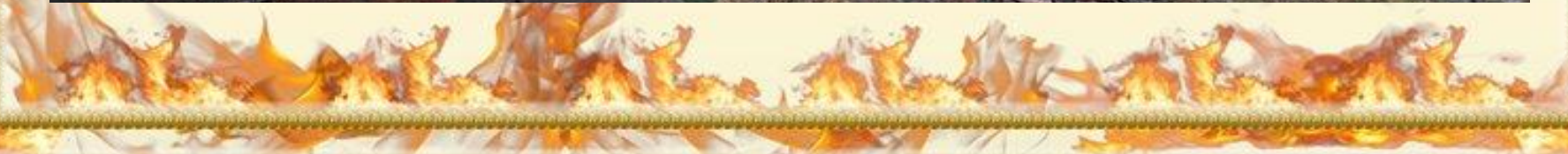
Минск – Горбунов Николай Александрович

30 минут на заставу

Они стояли на смерть...

Бессмертная Брестская крепость

Непеин Ефрем Маркелович

Казakov Егор Михайлович

«В тылу трудились от зари до зари»

**Когда страна узнала о войне,
В тот первый день, в сумятице и
бреде,**

**Я помню, я подумала о дне,
Когда страна узнает о Победе.**

Маргарита Алигер

